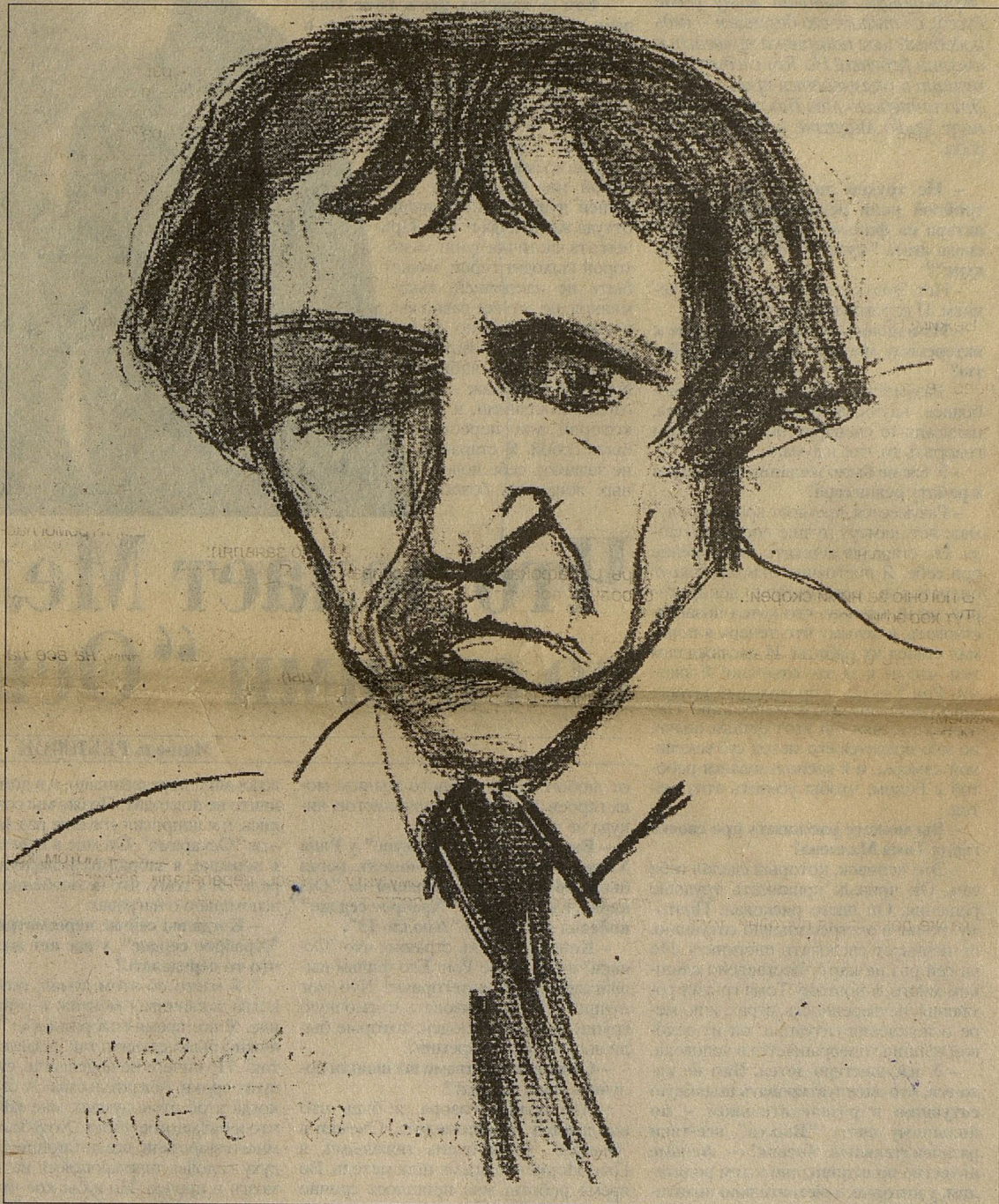

Рукопись воспоминаний "В школе остроумия" выдающегося русского режиссера, драматурга и историка театра Николая Николаевича Евреинова, день рождения которого приходится на 26 февраля 1879 года, привез в 60-е годы из Парижа писатель и исследователь А.И.Дейч. Он работал во Франции над архивом режиссера вместе с его вдовой — А.А.Кашиной-Евреинной. Рукопись была подготовлена к публикации, но до сих пор не увидела свет (ее собирается издавать "Искусство"), и на ее экземпляре Кашина-Евреиннова написала: "Собственность А.И.Дейча".

Предлагаем вниманию читателей главы из воспоминаний, в которых идет речь об известном театре пародий "Кривое зеркало" и о не менее известном представлении "Вампука, невеста африканская", высмеивающем оперные штампы. С тех пор "вампука" стала понятием нарицательным. К столетию со дня рождения Н.Н.Евреиннова на доме в Париже, где он жил, была установлена мемориальная доска: "Человеку театра".

Николай ЕВРЕИНОВ

И Вам, и Вам, Вампуку

Ах, как побегу у-у-у я туда, туда,
Туда, а-а-а,
Где есть вода!..

Несмотря на эти обещания сверхъестественной быстроты, Меринос на самом деле удалялся медленно-степенно, давая лишнюю возможность публике полюбоваться его благородной осанкой.

Уход Мериноса совпадал, — словно по расписанию, — с появлением в этой "пустыне" героя Лодырэ... Музыка в оркестре начинала лирически тремоллировать. "Душка тенор" Лодырэ, — в обтягивавших ляхки трико и фантастическом камзоле, — приблизился грациозными "па" к Вампуке и, нежнее нежного, словно в его "зобу дыханье сперло", выводел, обращаясь к зрительному залу:

Ах, что я вижу?
Ах, что вижу я?
Лежит в степи Вампука,
Здесь в степи лежит одна!
Здесь лежит одна-а-а!
О, Вампука, лежит больна!
Но честь моя порука, —
Поправится Вампука!
Но честь моя порука, порука!
Поправится она,

Она, она, она.
Здесь наступал "закат солнца", под розовыми лучами которого Вампука постепенно оживала и голосом умирающего воробья вопрошала:

Это ты Лодырэ?
Лодырэ (отвечал ей в тон таким сладким голосом, словно изливал струю латыни):

Это я — Лодырэ.
Вампука (переспрашивала).

Это ты, Лодырэ?
Лодырэ (вновь удостоверенно).

Это я — Лодырэ.
Вампука (уточняла вопрос). Это ты здесь — Лодырэ?

Лодырэ. Это я здесь — Лодырэ.
Вампука (приподымалась на ложе, в любовном томлении).

Это ты, мой Лодырэ?

Лодырэ (имея в виду высокую ноту, на которой он делал "фермат"), быстро отскакивал от Вампуки к самой рампе, чтобы голос его не был украден кулисами, и был хорошо слышен публикой). Это я — твой Лодырэ! (Возвращался бегом к Вампуке.)

Вампука (ласкаясь в меру, как то подобало оперной диве). Это

ты?

Лодырэ (став на колени). Это я! Вампука. Это ты?

Лодырэ. Это — я!

Вампука (обвивая его шею руками). Это ты?

Лодырэ (целуя ее руки). Это — я!

Вампука (Усаживаясь грациозно на ложе). Это ты?

Лодырэ (обнимая ее деликатно, словно фотографируясь с нею у захолустного фотографа). Это я!

Вампука (не веря своим глазам). Это ты?

Лодырэ (дуэтом с Вампукой). Это мы — мы!..

Тут как на заказ всплывала луна и освещала любовную парочку, которая вставала и в обнимку приближалась к рампе, делясь своим счастьем со всею публикой.

Дуэт Лодырэ и Вампуки.

Как отрадн любить И счастливым быть!..

Как нам светит луна, Ах, как прекрасна она!

Только что любовники слились в картинном поцелуе, как за кулисами раздается злое пение эффиопов:

Экран и сцена —

Смешно, конечно, ежели "гора родила мышь". Но еще смешнее, когда, вопреки поговорке, "мышь родила гору".

А нечто подобное как раз имело место в нашей истории театра, когда появилась на сцене знаменитая ныне "Вампука".

Своими острыми зубами эта невероятная "мышка" прогрызла все сети обветшалой рутины, подточила в корне традиционные устои искусства, укусила за нос напыщенную Мельпомену, парализовавшую наш оперный театр, и, — забеременев от весеннего ветра, — родила сущую "гору" в виде Петербургского Театра Музыкальной Драмы.

В результате своего ошеломительного успеха "Вампука" стала магическим словом, от которого сразу же зашаталось и рухнуло скоро "трафаретное" оперное искусство, чтобы дать место противоположному, творчески оригинальному, а главное, елико возможно, естественному и убедительному искусству.

Я постараюсь передать здесь не столько свои личные впечатления от представления "Вампуки" (которую я запомнил почти наизусть!), сколько само ее представление на сцене "Кривого Зеркала", со всеми ремарками режиссуры, какие выполнялись солистами, хором, статистами и балетом.

Сцена представляла собою пустыню в той предельной условности, какую могут дать голубое полотно в глубине сцены, изображавшее "небо", и такого же "небесного" цвета боковые кулисы с пальмами. Посреди же сцены, несколько слева виднелось не то холмистое возвышение, не то нечто вроде ложа, прикрытое холстом песочного, то есть "пустынного" цвета.

На сцену, из-за кулис выходили хористы в коричневом трико и такого же цвета "дикарском" гриме, с перьями на голове и копьями в руках. Они шли в такт музыке к самой рампе и, то прижимая руки к груди, то грозя кулаками кому-то, распевали:

Мы э, мы э, мы э, мы Э-фиопы;

Мы про, мы про, противники

Европы;

Мы эффиоп-пы, противники

Европы,

Ропы, ропы, ропы, ропы мы!

Вождь эффиопов (выступал вперед и, невероятно жестикулируя, объяснял публике):

Прекрасную Вампуку нам велено

словить,

Наш повели-, наш повелитель

руку

Ей хочет предложить.

Хор эффиопов (подтверждал слова вождя, показывая на правую руку):

Ей хочет руку, руку хочет,

Хочет руку предложить.

После этого "эффиопы", обращая внимание публики на "место действия, заявляли:

Мы в Аф, мы в Аф, мы в Африке

живем,

И Вам, и Вам, Вампуку мы

найдем!

Мы в Африке живем и Вам,

И Вам, и Вам, Вампуку мы

найдем!

Озираясь по сторонам, "эффиопы" заглядывали за кулисы, за "песчаные" возвышения и шарили "по земле" с видом, не оставлявшим сомнения, что они действительно ищут Вампуку в надежде ее найти.

Проделав вышеуказанное, "эффиопы" строились гуськом и уходили, еще раз рекомендуясь:

Мы Э, мы Фи, мы О, мы Пы.

По их уходе налево, с правой

стороны появлялась Вампука в сопровождении Мериноса. Первая была очень хорошенькая дамочка, певшая сопрано и одетая в экзотический костюм оперной примадонны; спутник же ее был белобородый баритон, с седыми кудрями, одетый в серый бурнус "оперного покроя".

Меринос, указывая на возвышение, подводил к нему Вампуку за руку и с наигранным величавым благородством, имевшим в виду растрогать сердца публики, торжественно затягивал свою арию:

О, прекрасная Вампука,Здесь

похоронен прах,

Ах, ах, ах, ах.

Твоего несчастного отца.

Он сражался, он сражался,

Он сражался, он сражался.

Он сражался с эфио,

Он сражался с эфио,

Он сражался с эфио,

С эфио, с эфио, с эфиопами...

Эти слова мало волновали хорошенькую Вампуку, которая, поправляя кокетливый головной наряд и драгоценный пояс, выдерживала из-под последнего шелковый платочек и, подойдя как можно ближе к публике, начинала резво выделять фиоритур на слова:

Я плачу о зарытом

В песке здесь мертвец,

Я плачу об убитом

Безвременно отце.

(Она подносила платочек к глазам и очень осторожно прижимала его к ним, из боязни размазать грим).

Меринос (начинал тогда являть чары своего баритона и пленять публику пластикой, трагически простирая руки к Вампуке):

О плачь, Вампука, плачь,

Судьба тебе палач,

Ах, плачь, судьба тебе,

Тебе судьба палач!

Вампука (продолжала, как ни в чем ни бывало, "колоратурничать"; с видом птички, которой мало дела до всего окружающего):

Мне дни, увь, не милы,Утехи не найду,

Лишусь последней силы

И в обморок, да, в обморок,

Да, в обморок паду!

Падая, не спеша, в обморок,

Вампука комфортабельно укладывалась на "песчаном ложе" и слегка оправляла складки своего костюма.

Меринос тогда, словно "одержимый" своей ролью, начинал "входить в нее" изо всех сил: — метался по авансцене, выворачивал (с невиданной у "старца" ловкостью) свои руки и всячески изображал отчаяние, согласно словам арии, в которую артист здесь вкладывал всю свою ходячую душу:

Ах, где достать

Стакан воды мне

Для дорогой Вампуки?

— трагически вопрошал несчастный Меринос:

Ах, где достать

Теперь воды мне

Для дорогой Вампу-у-у-уки?!!!

Так как никто ему из публики не отвечал, Меринос еще настойчивее вопрошал:

Ах, где достать,

Ах, где найти,

Ах, где достать,

Ах, где найти, найти воды?

И вдруг блестящая мысль осеняла его седовласую голову, и Меринос, восприняв духом, спешил поделиться ею с публикой:

Но здесь вблизи имеется родник!

Туда, туда, на крыльях урагана,

Я понесусь скорее скакуна!

Ах, как побегу я, гу я!

Ах, как понесусь я, сусь я!

Евреинов Николай

